

Специфика речевого поведения Н.С. Михалкова (на материале текстов интервью)

Михальчук Н.А.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова», Могилев

Статья посвящена некоторым аспектам проблемы специфики языковой личности Н. Михалкова – рассмотрению реализации принципа вежливости Дж. Лича, а также анализу стратегии уклонения в текстах интервью с режиссером.

Цель статьи – проанализировать реализацию принципа вежливости и стратегии уклонения в текстах интервью с Н.С. Михалковым.

Материал и методы. Устная речь Н. Михалкова анализируется на материале интервью с режиссером в Интернете. Для достижения цели исследования использовались метод контекстуального анализа в качестве основного, описательный метод, метод анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение. Доказывается, что в устной речи Н. Михалкова наблюдаются нарушения максим одобрения и скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича. Отмечается, что при реализации интенции неодобрения в речи Н. Михалкова преобладают этические оценки, а применительно к речевой ситуации одобрения более частотными являются эстетические оценки. Обосновывается, что в дискурсе Н. Михалкова частично используется речевая манипуляция с целью создания своего положительного образа. Основные тактики неодобрения в дискурсе Н. Михалкова – риторические вопросы, цитаты, экспрессивное выражение негативных эмоций, умозаключения общего характера, отказ отвечать, неодобрение в форме одобрения, негативная характеристика третьего лица, просьба иллюстрации тезиса, угроза. Характерной для дискурса Михалкова тактикой одобрения выступает цитирование.

Заключение. Отличительными чертами речевого поведения Н. Михалкова являются нарушение максим одобрения и скромности Дж. Лича, стремление к соблюдению принципа кооперации.

Ключевые слова: речевое поведение, принцип вежливости, максимы вежливости, уклончивый ответ, принцип кооперации, языковая личность.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 151–158)

Specifics of N. Mikhalkov's Speech Behavior (Based on the Material of Interview Texts)

Mihalchuk N.A.

Education Establishment "Mogilev State A.A. Kuleshov University", Mogilev

The article is devoted to some aspects of the problem of N. Mikhalkov's language personality specificity, that is, to the consideration of implementation of G. Leech principle of politeness and also to the analysis of the strategy of evasion in the texts of interviews with the director

The purpose of the article is to analyze the implementation of the principle of politeness and the strategy of evasion in the texts of the interviews with N. S. Mikhalkov.

Materials and methods. N. Mikhalkov's oral speech is analyzed on the basis of interviews with the director on the Internet. To achieve the goal of the study, we used the method of contextual analysis as the main one, the descriptive method, the method of analysis and synthesis.

Findings and their discussion. It is proved that in N. Mikhalkov's oral speech violations are observed concerning the maxims of approval and modesty in the framework of G. Leech principle of politeness. It is noted that when implementing the intention of disapproval in the speech of N. Mikhalkov ethical assessments prevail, and in relation to the speech situation of approval aesthetic assessments are more frequent. It is justified that in the discourse of N. Mikhalkov, speech manipulation is partially used in order to create a positive image. The main tactics of disapproval in N. Mikhalkov's discourse are rhetorical questions, quotations, expressive

expression of negative emotions, general conclusions, refusal to answer, disapproval in the form of approval, negative characterization of a third person, request for an illustration of the thesis, threat. The typical tactics of approval in Mikhalkov's discourse is citation.

Conclusion. *The characteristic features of N. Mikhalkov's speech behavior are the violation of the maxims of approval and modesty of Lich, the desire to observe the principle of cooperation.*

Key words: *speech behavior; principle of politeness, maxims of politeness, evasive answer; principle of cooperation, language personality.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 151–158)

Антропоцентрическая парадигма лингвистики XX века включает несколько разных, но взаимосвязанных направлений, среди которых выделяется коммуникативная лингвистика, – ее определяет интерес к человеку в ракурсе его процесса коммуникации. В рамках антропоцентрического подхода диктуется необходимость изучения речевой коммуникации отдельной личности, частных реализаций дискурса, создаются условия для всесторонней оценки языковой личности в пределах индивидуального речевого поведения.

Речевое поведение, одно из фундаментальных лингвистических и психологических понятий, было объектом исследования в трудах Т.Г. Винокур [1], Н.И. Формановской [2], К.Ф. Седова [3] и др. По определению Т.Г. Винокур, речевое поведение – это «речевые поступки индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах, отражающих специфику языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве» [1, с. 12].

В вербальном выражении речевого поведения различаются два аспекта, связанных с операциями отбора языковых и речевых структур. Говорящий в процессе речевой деятельности осуществляет две разновидности выбора: прагматический и стилистический. Первый предполагает выбор адекватной ситуации интенции, связанной с оформлением коммуникативных смыслов речевых действий: одобрение, неодобрение, совет, приказ, просьба и т.д. Второй выбор является установлением уместных в данном речевом акте языковых средств оформления подразумеваемого коммуникативно-прагматического содержания.

Термин «языковая личность» был введен в научный оборот В.В. Виноградовым в 1930-х гг. в книге «О языке художественной прозы». Под «языковой личностью» Ю.Н. Караулов понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [4, с. 3].

Изучение речевого поведения наших современников и предшественников – деятелей культуры и искусства, ученых, политических деятелей, телеведущих, а также персонажей художественного текста в последнее время все чаще вызывает исследовательский интерес. Примечательны в этом направлении работы Н.И. Белоуновой, И.Н. Казаковой, Л.М. Салимовой, Г.Г. Хисамовой, А.Д. Степанова. При этом более

основательно и детально в коммуникативно-прагматическом аспекте исследованы художественные тексты, в частности, речевое взаимодействие персонажей и особенности языковых личностей в произведениях А. Чехова, В. Шукшина, В. Набокова. Интервью и беседы с реальными историческими языковыми личностями с точки зрения специфики коммуникации остаются менее изученными.

В лингвистической науке были предприняты также и попытки дифференциации моделей речевого поведения. Так, понятие типа речевой культуры, введенное в научный оборот О.Б. Сиротининой, оказалось актуальным в условиях современной языковой и социокультурной ситуации. В статье «Устная речь и типы речевых культур» (1995) О.Б. Сиротинина определяет пять типов речевой культуры, среди которых называет элитарный тип речевой культуры [5].

Не до конца решенной является проблема отношения речевой коммуникации выдающихся деятелей культуры, науки и искусства к тому или иному типу речевой культуры. Велико искушение оценивать результаты творческой и научной деятельности этих языковых личностей, а не их реальную коммуникацию, отраженную в текстах бесед и интервью, в записях спонтанной речи. По нашему мнению, такой подход является ошибочным.

Цель статьи – проанализировать реализацию принципа вежливости и стратегии уклонения в текстах интервью с Н.С. Михалковым.

Материал и методы. Исследование посвящено отдельным аспектам проблемы изучения языковой личности Н.С. Михалкова – рассмотрению реализации принципов вежливости Дж. Лича и кооперации Г.П. Грайса в устной речи режиссера, а также выявлению специфики его речевого поведения в текстах интервью. Устная речь Н. Михалкова анализируется на материале интервью с режиссером в Интернете. Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки.

В ходе работы в текстах интервью с Н. Михалковым были проанализированы следующие группы речевых актов: речевые акты неодобрения, одобрения, похвалы, самоодобрения, самопохвалы, отказа.

Для достижения цели исследования использовался метод контекстуального анализа в качестве основного, описательный метод для характеристики языковых явлений, метод анализа и синтеза для теоретического обобщения языковых фактов.

Результаты и их обсуждение. Принцип вежливости, сформулированный в 1983 году в труде «Принци-

пы прагматики» британским лингвистом Дж. Личем [6], является классическим и фундаментальным, относится к сфере речевого этикета и может быть определен как принцип взаиморасположения коммуникантов в рамках речевого акта. Принцип вежливости включает следующий набор максим: максима такта, максима великодушия, максима одобрения, максима скромности, максима согласия и максима симпатии.

Соотношение понятий неодобрение, осуждение и порицание в научной литературе у разных авторов различно (Т.К. Соловьева, О.А. Евтушенко, Т.А. Графова, И.Г. Дьячкова, С.Ф. Анисимов). Нам близка точка зрения Е.В. Тетерлевой, рассматривающей речевые акты неодобрения как выражение отрицательной оценки и выделяющей частные прагматические значения речевого акта неодобрения – упрек, замечание, осуждение, предупреждение, угроза, критика, порицание.

В лингвистической прагматике выделяется три типа речевых актов, с помощью которых говорящий дает высокую оценку качествам, действиям адресата, – одобрение, похвала, комплимент.

Вопрос о соотношении данных типов высказываний в научной литературе решается неоднозначно. Различия концепций связаны со следующими основными причинами: отсутствие дифференциации комплимента и похвалы в трудах ученых (зарубежные лингвисты), отождествление похвалы и одобрения (Е.С. Петелина, А.А. Романов), рассмотрение похвалы и одобрения как смежных, но не идентичных положительно-оценочных речевых актов (И.Г. Дьячкова, Н.А. Бигунова, З.К. Темиргазина, М.С. Бачурка).

Мы разделяем точку зрения Н.А. Бигуновой, которая в качестве объектов одобрения рассматривает неодушевленные предметы, идеи, явления; похвалу трактует как речевой акт, направленный на собеседника либо отсутствующего в коммуникативном пространстве человека, а ее объектом считает качества, умения, поступки, внешность или манеры адресата (явного или отсутствующего) [7].

Речевым актом самоодобрения мы считаем речевой акт одобрения, адресатом и адресантом которого является один и тот же человек, посредством которого говорящий выражает удовлетворение своими поступками, поведением или продуктом деятельности. Речевым актом самопохвалы считаем речевой акт, выражающий общую положительную оценку, даваемую говорящим самому себе.

Один из базовых принципов речевого общения – принцип кооперации, сформулированный Г.П. Грайсом и описанный лингвистом следующим образом: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, каким требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [8].

Речевой акт отказа реализует интенцию, угрожающую лицу адресата, и предпочтительной, более вежливой является косвенная форма его выражения, ср.: П. Браун и С. Левинсон [9], Н.И. Формановская [2].

Одним из видов не прямых речевых актов отказа становятся уклончивые ответы.

Уклончивый ответ – это разновидность косвенного речевого акта (отказа), посредством которой говорящий избегает прямого ответа на заданный вопрос, при этом предпринимая определенные усилия для сохранения зоны согласия с партнером по коммуникации. Основным признаком уклончивых ответов лингвисты называют их семантическую неопределенность.

В рамках данной статьи элитарной языковой личностью мы считаем личность, строго соблюдающую базовые принципы речевого общения: вежливости, кооперации, толерантности, некатегоричности, точности, определенности, объективности, достоверности, прямоты.

Никита Сергеевич Михалков – выдающийся российский кинорежиссер, актер, сценарист, выходец из знаменитой творческой семьи: сын детского писателя Сергея Михалкова и поэтессы Натальи Кончаловской. Н. Михалков – создатель многих любимых отечественным зрителем кинофильмов, обладатель престижных званий и премий в области искусства, председатель Союза кинематографистов России. Он много и охотно общается с прессой, читателем, зрителем как со страниц газет, посредством публикаций в личном блоге в Интернете, так и с телеэкрана, являясь ведущим авторской программы «Бесогон».

При этом, как свидетельствуют высказывания в Интернете, языковая личность Н. Михалкова вызывает противоречивые чувства и эмоции. Так, одни пользователи Интернета характеризуют его словами и словосочетаниями «лживый», «лицемерный», «алчный», «барские замашки», «ложная вельможность», другие – «талантливый», «сильный», «настоящий мужчина». В пользу того, что коммуникация Н. Михалкова со зрителем во многих случаях осуществляется unsuccessfully, свидетельствуют и высказывания самого режиссера: *«Моя личность вызывает глухой, но мешающий жить протест», «Если меня не любят, то на уровне каком-то генетическом. Мешает это. Мешает».*

По причине того, что о личности Михалкова зритель судит в значительной мере по его речевой коммуникации, на наш взгляд, об истоках неоднозначного отношения к режиссеру можно получить некоторое представление, проанализировав речевое поведение кинорежиссера.

Отметим ряд специфических особенностей речевого поведения Н. Михалкова.

1. Реализация максим одобрения и скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича

1.1. Максима одобрения. В дискурсе режиссера наблюдаем нарушения максимы одобрения Дж. Лича, которая гласит: «Своди к минимуму отрицательную оценку других, стремись к максимально положительной оценке других».

1.1.1. Неодобрение. Анализ наиболее частотных интенций, используемых Н. Михалковым в жанре интервью, показал, что при оформлении

коммуникативных смыслов своих речевых действий говорящий регулярно предпочитает интенции неодобрения и осуждения.

Неодобрение Н. Михалкова направлено как на собеседника, так и на третьих лиц. Ср. неодобрение собеседника:

«– Никто не ожидал, что Вы будете работать с братьями Пресняковыми. Как будто совсем не Ваши авторы?»

– Вы видите во мне не то, что есть на самом деле. Может, я просто не вписываюсь в клише, в которое меня хотят встроить?».

Ср. неодобрение третьего лица: «И вот какое количество ширпотреба делается непрофессиональными людьми, потому что на него дают деньги».

Неодобрение в дискурсе Н. Михалкова включает эстетический и этический уровни оценивания. Негативные эстетические оценки в его интервью встречаются реже, чем этические. Высказывания Н. Михалкова о неприемлемом в сфере искусства экспрессивны и категоричны. Ср.: «Это мировая тенденция чудовищного измельчения <...> Когда ты вот такое смотришь, то разрушается все – и что было до этого, и что будет потом, после этого. Потому что ты понимаешь, что этих людей абсолютно не интересует хотя бы логическая правда. Пипл хавает. Красивая женщина, резкие повороты сюжета!».

Отрицательные этические оценки, в отличие от эстетических, даются Михалковым в широком диапазоне, объектами их становятся не только многочисленные конкретные личности и группы людей, но и идеи, и явления. Неодобрение Михалкова направлено на собственных антагонистов, на российскую интеллигенцию, на русский национальный характер, на советскую идеологию, на современного человека, его сознание и мышление, на Западный мир, его ценности и руководителей западных государств, на российскую оппозицию, на журналистов, атеистов, католиков и пр.

Ср.: О недругах: «Какого... они кричат о моей “тирании”, а сами в собственных головах создают себе царя и с ним живут?», «Ты разве не видел, какая работа была сделана, чтобы фильм не понравился?». Об интеллигенции: «Наша интеллигенция – условно говоря, голландская» (себя к ней Михалков не причисляет, называя аристократом, а, следовательно, пороков не разделяет. – Н.М.). О российских политических деятелях: «Пока же многие наши политики, стоящие в церквях, – просто подсвечники». О советской власти: «Я думаю, это произошло из-за огромного иждивенчества, которое давало в течение семидесяти лет страна». О современниках: «Мы живем в эпоху голых королей, которым никто не говорит, что они голые». О католиках: «Сегодня мы пожинаем плоды нашего этого безбожия. Не активного даже безбожия, а вот такой веры: в воскресенье в католических Храмах все сидят, они ходят туда, как на работу. А вот трепета нет».

Об американцах: «Сколько раз нас обманывали улыбки этих милых людей? <...> Это такая эфемерная, обманчивая бабочка». О Ельцине: «Меня учила мама: “Бойся людей, для кого власть – мечта, а не крест”. Я не видел тогда, что для Ельцина власть есть мечта».

Косвенный способ выражения осуждения, к которому регулярно прибегает Н. Михалков, отчасти, но не до конца смягчает неблагоприятные для адресатов интенции. Косвенная форма речевых актов неодобрения свидетельствует и о том, что режиссер – личность образованная, так как, в соответствии с выводами В.В. Богданова, «общение на уровне имплицатур – более престижный вид вербальной коммуникации», чем на уровне прямых высказываний [10].

Ср.: «Марлен Мартынович Хуциев – замечательный режиссер и уважаемый человек. Его называют совестью нашего кино. Однако я не уверен, что одной его совести хватит на всех, кто его окружает».

В приведенном фрагменте диалога в пределах одного макроречевого акта интегрируются похвала и неодобрение. Высокая оценка профессиональных и личных качеств М. Хуциева сочетается со скрытым неодобрением его окружения, для оформления косвенного высказывания используется диада «сообщение – неодобрение».

К основным тактикам неодобрения / осуждения в дискурсе Н. Михалкова относятся следующие:

1) **риторические вопросы, ср.:** «В чем всевластие Михалкова? Он что, деньги распределяет? Нет, это ложь. Он кого-нибудь лишил работы? Нет. У кого-то что-то отнял? Нет. Ведь никто ничего конкретного не может предъявить». «Сколько раз я обманывался в Лос-Анджелесе на афтерпати? Через два часа встречаешь на улице человека, а он тебя уже не узнает».

2) **цитаты, ср.:** «Помните легендарную реплику из фильма “Цирк”? “У этой женщины черный ребенок!” Так вот, разве что крикнуть, что у меня черный ребенок – на безрыбье».

3) **экспрессивное выражение негативных эмоций и оценок, ср.:** «Что за дикая мысль?», «Ну, что за бред!»

4) **рассуждения общего характера, ср.:** «Ну, послушайте, мы серьезные люди, невозможно жить все время в какой-то выдуманной стране Барби, страдать, пугать, предупреждать».

5) **отказ от ответа, ср.:** «Ну нет у меня ответа на глупости». «Да я даже задумываться не хочу по этому поводу».

6) **неодобрение в форме одобрения, ср.:** «Чем больше клеветают, тем чище душа».

7) **просьба иллюстрировать тезис примером, ср.:** «Кто пострадал, пусть выйдет и скажет – чему именно в его творческой жизни помешало отсутствие отношений между Шведким и Михалковым».

8) **негативная характеристика третьего лица или его поступка, ср.:** «Абсолютно наплевать на

профессию. Надергали в Википедии татарских имен и даже не заинтересовались, кто эти люди. Но расчет тот же – пипл схавает».

9) угроза, ср.: «Пока у меня хватит сил, я буду бить любого, кто посмеет посягнуть на мою честь и безопасность. А также на честь и безопасность моих близких. Буду бить в кровь – так и запиши».

Негативные этические и эстетические оценки выражаются Н. Михалковым, как правило, интенсивно, с использованием общепотребительной абстрактной лексики со значением отрицательной оценки (*безбожие, безграмотность, деградация, иждивенчество, демагогия, язычество, ложь, клевета, ненависть*), разговорной лексики с отрицательными коннотациями (*активные люди шумели; ширпотреб; что за бред*), жаргонной лексики (*понты бегут впереди профессии; фуфло выдается за настоящее; картину начали мочить за семь месяцев до ее выхода*), грубопросторечной.

Есть место в дискурсе Н. Михалкова и бранным словам и выражениям, абсценной лексике. Абсценная лексика не только допускается режиссером в ряде речевых ситуаций, но и активно поощряется. Ср. его высказывание: «Мат – это великий памятник русской словесности. <...> Русский мат – это не просто грязная ругань, а фольклорные проявления фантазии народа. <...> Есть ситуации, при которых невозможно не выразить свои чувства через крепкое русское слово – война, ранение, боль, страх, ненависть, гнев, неожиданность».

В «дистанцирующем» варианте этикета грубые и бранные выражения запрещены как в адрес собеседника, так и третьих лиц. В «сближающем» этикете они могут быть допустимы по отношению к лицам, не участвующим в разговоре. Следует учитывать, что интервью – публичная разновидность коммуникации, и объекты негативных оценок режиссера потенциально являются адресатами его высказываний. Рассматриваемые группы лексики в речи Н. Михалкова выводят общение за пределы этикетного.

Как утверждает Т.В. Крылова, грубая, вульгарная лексика в адрес собеседника связывается в сознании русского человека с неуважением к партнеру по коммуникации, желанием его обидеть, снижением его статуса. Это правило относится к правилам негативной уважительности, оно является обязательным для любого типа коммуникации, а нарушения его отражаются в употреблении лексем «невежливый», «невежливо», «невежа» [11, с. 368].

Негативно-оценочная лексика в устной речи Н. Михалкова образует антитезу с другой группой слов – абстрактными существительными со значением положительной оценки, выражающими нравственно-этические ценности (*правда, вера, созидание, чудеса, терпение, любовь, искренность, объективность, равенство, равноправие*). В репликах-реакциях Н. Михалкова такие лексеммы наблюдаем в пределах одного речевого акта наряду с вульгарной лексикой.

В дискурсе Н. Михалкова употребительно метафорическое выражение осуждения. Метафорические конструкции расцветывают речь и указывают на творческий тип сознания адресанта высказываний. Ср.: «Произошла очень сильная деградация. Люди **потеряли дыхание, и оно стало коротким**». «Политики, стоящие в церквях, – просто **подсвечники**». «Молодой актер не смог бы **расписать такой огромный купол такими яркими красками**». «Я приехал работать на Запад, как наивный ребенок с **молочными зубами, а уехал с железной челюстью выдавшего вида волка**».

1.1.2. **Неосуждение (толерантные высказывания)**. Интенция неосуждения в дискурсе режиссера является малоупотребительной. Данная интенция реализуется толерантными высказываниями, направленными на явления, которые адресант, исходя из своей системы ценностей, не одобряет, но понимает и принимает.

В единичных речевых актах неосуждения дается оценка современному российскому кино: «*Это не всегда хорошо, но зато это – про нас. А когда людям начинает нравиться смотреть про себя, это о многом говорит*».

Малочисленность толерантных высказываний, предпочтение им речевых реализаций интенции неодобрения характеризуют режиссера как личность, которой не свойственна терпимость к иному образу жизни, мировоззрению, поступкам и обычаям, а в творчестве – иным, чем у него самого, эстетическим принципам.

1.1.3 **Одобрение**. Интенция одобрения в устной речи Михалкова используется несколько реже, чем неодобрение. В дискурсе Н. Михалкова объектами похвалы выступают третьи лица, среди которых – члены семьи режиссера, его духовный отец (священник), современные, а также относящиеся к прежним эпохам деятели культуры и искусства, философы, служители церкви.

Эстетические оценки при реализации интенции одобрения у Н. Михалкова существенно доминируют над этическими: «*Картина Андрея Зайцева “Блокадный дневник” – это очень искренняя, очень сложная, очень трогательная работа, а самое главное – очень правдивая*». «*Когда ты смотришь картину “Пять несложных музыкальных пьес” с Джеком Николсоном. Абсолютно современная картина с потрясающим со-вершено смыслом. Молодая картина!*» «*Мухаммед. Посланник Бога*» – великая картина, голливудский размах. Как это сделано!»

Характерной для дискурса Н. Михалкова тактикой одобрения при выражении этических и эстетических оценок является **цитирование**. На одобрение и восхищение, с которым текст цитируется говорящим, указывают атрибутивные и наречные лексеммы, характеризующие автора высказываний, а также прямые речевые акты согласия.

Ср.: «**Великий** Станиславский говорил: “Счастье – это не когда получилось, а когда получается”. И для

меня в этом движении и состоит счастье». *«Я абсолютно согласен с сумасшедшим мудрецом Василием Васильевичем Розановым, который сказал: «Человек без веры мне вообще не интересен». «Мой духовник мне сказал гениально: «Это демонов немощные дерзости»».*

Похвала, связанная с этической оценкой высказываний и качеств лиц, не участвующих в разговоре, неоднократно присутствует в речи Михалкова в адрес своей матери (тактика цитирования): *«Моя мама Наталья Петровна Кончаловская часто повторяла: “Сын, никогда не суди о своей жизни по тем, кто живет лучше тебя, а суди по тем, кто живет хуже”. На мой взгляд, это самый лучший способ избавиться от огромного количества комплексов и проблем».* Похвала адресуется брату – режиссеру Андрею Кончаловскому: *«Култ старшего брата для меня был основополагающим во всех смыслах».*

Наиболее значимыми атрибутивными лексемами при выражении положительных оценок Н. Михалковым являются великий наряду с формой суперлатива величайший (*«Сергей Герасимов снял “Тихий Дон”, и это великая картина»*), *«Продюсер Леонид Верещагин – величайший профессионал»*); живой в переносном значении (*«Это живое», «Это живая вещь, и она все время живет вместе с тобой»* (о фильмах режиссера Балабанова)); лексема здоровый в переносном употреблении (*«У здорового человека и взгляд – здоровый»; о фестивале «Кустендорф»: «Он здоровый, он живой. Он обучающий. Он домашний, он с прекрасной атмосферой»; «Елена Ямпольская. Насколько я понимаю, для вас здоровый – вообще высшая похвала. Никита Михалков. Правильно. Душа должна быть здорова, в первую очередь, ну, и тело, конечно, желательнее».*

1.2. Максима скромности. В текстах интервью Н. Михалков нарушает максиму скромности Дж. Лича [6], которая предполагает неприятие похвал в свой адрес, минимум похвал и максимум порицаний говорящего по отношению к самому себе.

В устной речи Н. Михалкова частотны речевые акты самопохвалы и самоодобрения, использование которых связывается с нарушением максимы скромности Дж. Лича (в рамках принципа вежливости).

В дискурсе Н. Михалкова разграничиваем самоодобрение, выражающееся в высокой оценке снятых им кинофильмов, проделанной работы, а также самопохвалу – общую высокую оценку своих личностных качеств.

Ср. речевые акты самопохвалы: *«Я летучий аристократ». «Я мог бы быть успешным командиром» «Да я вообще лояльный человек. Я не знаю, кто и за чем про меня всякие ужасы сочиняет».*

Ср. речевые акты самоодобрения: *«Это великая картина. Это великая, Юра, картина»* (об «Утомленных солнцем»). *«Я знаю цену этой картины». «Я испытываю радость, гордость и огромное удивление. Когда у тебя что-то тырит Куросава, это приятно». «Не буду раскрывать всех тонкостей, но это*

ноу-хау, очень технологичный спектакль» (по фильму “12”). *«Это героический поступок всех организаторов фестиваля»* (в том числе и его поступок. – Н.М.)

Таким образом, субъект высказываний во всех интервью с Н. Михалковым постоянно находится в более сильной коммуникативной позиции по отношению ко всем адресатам своих высказываний, что приводит к коммуникативным неудачам. [9] Тем не менее, говорящий чаще всего не пытается усилить позиции адресатов или ослабить свою с целью повышения успешности общения, так как заинтересован, по нашему мнению, не столько в успешности коммуникации, сколько в личном самовыражении.

В редких случаях Н. Михалков готов указать на свои ошибки. В то же время, чувствуя, что попадает в слабую коммуникативную позицию, он начинает прибегать к тактикам повышения своего коммуникативного статуса: самооправдания и обвинения других. Обращает на себя внимание стремление коммуниканта к снижению ответственности за совершенное и минимизации ущерба, наносимого своему лицу. Покажем это на примерах.

Параметры коммуникативной ситуации. Молодой человек на мастер-классе Михалкова бросил на сцену яйцо, и Михалков в ответ ударил его по лицу ботинком.

Елена Ямпольская: *А как же – подставь другую щеку?*

Никита Михалков: *Я сожалею, что, может быть, в этом вопросе мне не хватает смирения. Но тогда надо быть отшельником, монахом. Я не монах, силы у меня есть, я много занимался спортом, так что – не умеют любить, пусть боятся.*

Манипулятивная стратегия реализуется посредством следующих тактик: 1) прием «ложной интерпретации»: «христианский постулат – для монахов, а не для живущих в миру верующих людей, ко мне это неприложимо», 2) создание собственного образа спортсмена, физически сильного человека, который легко может защитить себя, и для такого человека насилие не является предосудительным. 3) обвинение другого, констатация того, что наказание им заслужено: «не умеют любить – пусть боятся».

Параметры коммуникативной ситуации. Ответ на критику в свой адрес в связи с руководством Союзом кинематографистов.

Никита Михалков. *У меня действительно был целый ряд серьезных ошибок, связанных с кадровой политикой. Пиорунский – ошибка. Игорь Угольников – ошибка. Лосев – ошибка. Но это издержки моего воспитания. Я так воспитан, что если иду с человеком, то иду до конца – пока не понимаю, что двигаться дальше с ним невозможно. Я это признаю и готов извиниться. Но эти люди не остались в СК – я их сам поставил и сам же убрал.*

Реализация манипулятивной стратегии в данном фрагменте диалога осуществляется следующим образом: 1) создание собственного положительного образа

преданного, порядочного человека, что и повлекло за собой погрешности в работе руководителя, 2) создание образа человека, который признает и исправляет ошибки.

2. Соблюдение принципа кооперации. Жанр интервью так или иначе предполагает наличие интенций, несущих угрозу лицу адресата, – отказа и несогласия. Очевидно и то, что как журналисты, так и читатели в ситуации общения с публичным человеком нередко нарушают принципы коммуникативного кодекса и касаются тем, травмирующих адресата.

Как указывает Т.В. Крылова, «отказ выполнить то, что просит партнер, противоречит принципу кооперативного поведения» [11, с. 355].

Косвенный способ выражения отказа от ответа и несогласия является, как показывают лингвисты, более вежливым и высоко употребительным в речевом общении русских (Т.В. Нестерова, Н.И. Формановская). В рамках прагмалингвистической теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [9] предлагается гиперстратегия скрытых «лицоугрожающих актов», предполагающая не прямое выражение неблагоприятных для адресатов интенций.

В дискурсе Н. Михалкова косвенные реализации интенций несогласия и отказа являются частотными, что помогает сохранить зону согласия и благонастроения.

На вопросы, затрагивающие то, что входит в личную зону адресата, а также, с его точки зрения, несодержательные, унижительные, Н. Михалков отвечает путем непрямого отказа или уклонения.

Способность Н. Михалкова реагировать шуткой на обвинения и упреки в свой адрес свидетельствует о его коммуникативной компетенции и следовании принципу кооперации в речевом общении.

В репликах-реакциях Н. Михалкова часто наблюдаем шутливую уклончивость.

Ср.: – *А вот внуков ваших как-то и не видно. Какой вы дедушка?*

– *Я молодой дедушка.*

В данном фрагменте диалога шутка строится на обыгрывании многозначности вопроса. Уклончивый ответ является следствием нежелания впускать партнеров по коммуникации в личное пространство.

Маня: А как Вам удастся так классно выглядеть?

– *Дорогая Маня – все дело в «манях»!* (фрагмент публичного диалога Михалкова с читательницей).

Юмористический эффект в реплике-реакции достигается путем преобразования собственного существительного в нарицательное.

В следующем фрагменте интервью наблюдаем шутливую уклончивость как реакцию на несодержательный и бестактный вопрос:

– *Многие ценители вашего таланта заметили, что вам на экране мастерски удаются паузы. А что с вами происходит, когда вы держите паузу, о чем вы так сосредоточено думаете?*

– *О зарплате. (Смеется.)*

Одной из специфических техник уклонения в дискурсе Н. Михалкова является апелляция к тому, что только на исповеди в храме он может говорить о личном и сокровенном.

– *Говорят, что художник должен быть влюблен. Влюблены ли вы?*

– *Постоянно.*

– *В кого?*

– ***Вы же не церковный батюшка? И я не на исповеди.***

Багир Бахтияров: *Никита Сергеевич, а Вас совесть не беспокоит, и нет ли у Вас желания покаяться?*

– *Уважаемый Багир, я не знаю Вашего вероисповедания, но у православных ответ на ваш вопрос находится в исповеди и причастии, что я стараюсь регулярно делать.*

Другая своеобразная техника уклонения в устной речи Н. Михалкова – пародирование вопроса.

Александр Арно: *Здравствуйте, Никита Сергеевич! Скажите, пожалуйста, а зачем Вы продали Музей кино? Неужели Вам мало уже имеющихся миллионов?*

Михалков: *Здравствуйте, Александр Арно! Скажите, пожалуйста, а зачем Вы изнасиловали одиннадцать тибетских монахов в Бибирево напротив кафе «Апокалипсис»? Разве Вам мало местных жриц любви?*

При уклонении от ответа на вопросы, в которых требуется оценка политической ситуации в стране и деятельности лидера российского государства, Н. Михалков прибегает к технике неопределенного ответа.

«АиФ»: *У вас прекрасные отношения с первым человеком страны. Почему вы ему все это не скажете напрямую?*

Н.М.: *Одну секундочку! Если бы я ему говорил одно, а вам совершенно другое, я мог бы понять ваши упреки. Но то, что говорю сейчас, и надеюсь, вы подтвердите мои слова, я говорю всем, и в том числе первому лицу тоже!*

Ю.Ш. «АиФ»: *Ну и что, есть понимание?*

Н.М.: ***Хочу верить! Вот мы с вами сидим, говорим правильные вещи. И многие другие люди, озабоченные судьбой нашей страны, тоже правильные вещи говорят. Но в единую политику страны это так и не оформляется.***

Заключение. Таким образом, специфическими чертами речевого поведения Н. Михалкова являются нарушение максим одобрения и скромности Дж. Лича, стремление к соблюдению принципа кооперации.

При реализации интенции неодобрения в речи Н. Михалкова доминируют этические оценки. Применительно к речевой ситуации одобрения более частотными являются эстетические оценки.

Основные тактики неодобрения в дискурсе Н. Михалкова – риторические вопросы, цитаты, экспрессивное выражение негативных эмоций, умозаключение общего характера, отказ отвечать, неодобрение

в форме одобрения, негативная характеристика третьего лица, просьба иллюстрации тезиса, угроза. Характерной для дискурса Михалкова тактикой одобрения является цитирование.

В качестве средств выражения интенции неодобрения выступают абстрактная лексика с отрицательными коннотациями, разговорная, жаргонная и бранная лексика, употребительны метафоры.

При реализации речевой ситуации одобрения постоянно актуализируются атрибутивные лексемы *великий, здоровый, живой*.

В дискурсе Н. Михалкова частично используется речевая манипуляция с целью создания своего положительного образа. Находим в речи режиссера и регулярно употребляемые речевые акты самоодобрения и самопохвалы.

В репликах-реакциях Н. Михалкова наблюдаем шутовую уклончивость, специфическими техниками уклонения являются апелляция к христианской теме и пародирование вопроса коммуниканта.

Безусловно, Никита Сергеевич Михалков – яркая, незаурядная, смелая, харизматичная языковая личность. В отдельных коммуникативных чертах эта языковая личность приближается к элитарному типу речевой культуры – например, в своем знании прецедентных текстов, способности к юмору в коммуникации, в использовании средств выразительности и стилистических ресурсов языка.

В целом же Н. Михалкова невозможно охарактеризовать как элитарную языковую личность, поскольку в его дискурсе имеются многочисленные нарушения базовых принципов речевого общения. Это, в первую очередь, принципы вежливости, толерантности, некатегоричности.

По нашему мнению, в соответствии с классификацией, предложенной О.Б. Сиротининой, Н.С. Михалков является представителем среднелитературного типа речевой культуры.

Литература

1. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: Ленанд, 2017. – 171 с.
2. Формановская, Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская. – М.: Ин-т рус. яз., 1998. – 291 с.
3. Седов, К.Ф. Онтопсихоллингвистика: становление коммуникативной компетенции человека / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2008. – 318 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Либроком, 2014. – 261 с.
5. Сиротинина, О.Б. Устная речь и типы речевых культур / О.Б. Сиротинина // Русистика сегодня. – 1995. – № 4. – С. 3–21.
6. Leech, G.N. Principles of pragmatics / G.N. Leech. – New York : Longman, 1983. – 250 p.
7. Бигунова, Н.А. Интеграция положительно-оценочных речевых актов в структуру диалогического дискурса (на материале современного английского языка) / Н.А. Бигунова // Вестн. Рязан. гос. ун-та имени С.А. Есенина. – 2013. – № 4(41). – С. 83–92.
8. Грайс, Г. Логика и речевое общение / Г. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М., 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–238.
9. Brown, P. Universals in language usage: politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and politeness: strategies in social interaction / ed. E. Goody. – New York, 1979. – P. 56–289.
10. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты: учеб. пособие / В.В. Богданов. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1990. – 88 с.
11. Крылова, Т.В. Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика / Т.В. Крылова // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 241–400.
12. Михальчук, Н.А. Реализация принципа вежливости и стратегии уклонения в текстах бесед и интервью с И. Бродским / Н.А. Михальчук // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2020. – № 2. – С. 64–73.

Поступила в редакцию 25.01.2021